

О ГОРЬКОМ хочется говорить, как о боевой, ослепительной юности. Мои воспоминания о прошлом прежде всего связаны с именем Горького. Кажется, что молодость-то моя особенно ярко загорелась и громко зазвучала с того дня, когда я впервые раскрыл книгу его рассказов. Это был неслыханный голос, это был голос родной — голос мятежный, протестующий, зовущий к борьбе, к свободе, к свету. Жил я в глухом городке, в рабочем предместье в старенькой лачуге, среди других лачуг, забитых рабочим и безработным людом. Жизнь была безрадостная, голодная, неприятная, без надежд на лучшую долю. Ютились здесь и босяки, и проститутки, всякий народ без руля и без ветрил. Как и все ребята предместья, я был в услужении у хозяина, но любил читать книжки. И вот когда я прочел первые два тома рассказов Горького, я на всю жизнь опьянен был этим необыкновенным, почти сказочным человеком. Не так говорили до него писатели, не те образы создавали они, не так расцветали краски на их полотнах, и песни их были иные. Правда, эти писатели отрицали ту жизнь, которой они жили, и народ они жалели и хотели добра и справедливости. В их книгах народ рисовался забитым, терпеливым, кротким страдальцем. А песни Некрасова надрывали душу своей скорбью о муках крестьянина.

И вдруг — гроза и потрясающий гром. И дерзкий клич: вперед и выше! И песня, подобная грому: «Безумство храбрых — вот мудрость жизни!». Там — спокойный и величавый или печальный голос, а здесь — буря и восстание. Со страниц книжек этого неслыханного и невиданного художника сошли новые, дерзкие люди, которые гневно и гордо заявили: мы — подлинные хозяева жизни, мы — настоящие герои нашего времени, мы сами хотим завоевать и построить нашу прекрасную жизнь. Так в девяностых годах потрясен я был громовым голосом родного мне по классу великого поэта — с сердцем, пылающим высоко над его головою.

Этот гордый сокол — пламенный поэт рабочего класса — до последних дней своей жизни был неуязвим в своей молодости. Не потому ли он так любовно и нежно лелеял и воспитывал молодых, начинающих писателей?

Что он ценил в них? Прежде всего — веру в свои силы, боевой дух, настойчивость и упрямство. Для него уверенность в силах, целеустремленность и упорство в борьбе были равнозначны таланту. Его письма — это призывы к подвигу, к неустанному творчеству и борьбе.

«Вы — упрямый человек, — ободряет он, — вы можете работать, ну и работайте, не щадя своих сил. «Вы — на хорошем пути — поздравляю вас от всего сердца...» И восклицает: «Какое удивительное явление — на-

ша современная литература и как надо любить и беречь нашего литератора — молодого человека с опытом полудекаго старика».

«Закончив третий том моего романа (Клима Самгина), я, наверное, займусь журналистикой, чтобы стать теснее к жизни, главное — к молодежи. Эта порода людей восхищает меня.

«ОН ВЕСЬ ИЗ ГЕРОИЧЕСКОЙ ЭПОПЕИ»

Ф. Гладков — о М. Горьком

Вот, напр., сегодня получил из Башкирской республики стишки и письмище от 16-летнего парня. Пишет смело, грамотно, своими словами и, что всего лучше, уже многое в прошлом непонятно и даже враждебно ему. А враждебно как раз то самое, что и должно быть таковым для человека. Таких корреспондентов у меня — десятки».

Перечитываешь ряд его писем, вспоминаешь беседы с ним и поражаешься его молодому задору (а в это время ему уже было 62 года). «Черт вас возьми, биография-то у вас какая! Сейчас же садитесь за книгу, а весной мне будете ее читать...» «Я огонь люблю, я готов зажигать его на каждом шагу: от дней молодости осталось, когда я хаживал по Руси».

Сообщил я ему как-то о травле, которая направлена была авербаховцами против «Цемент». Он ответил ободряюще: «На злой шум, поднятый книгой, не обращайтесь внимания, это — пустяки. Это — нижегородский банщик Иван Ив. Гнеушев шумит».

«По отношению к человеку, — пишет в другом письме, — я оптимист и очень верю, что поколение, идущее на смену моему, «выровняется» и вос-

Речь Федора Гладкова на вечере памяти А. М. Горького была произнесена, по всей вероятности, вскоре после смерти Горького, в тридцатые годы. Речь эта, по странной случайности, не привлекла внимания исследователей, не была включена она и в сборник, вышедший в 1961 году (Ф. Гладков. «Мятежная юность. Очерки. Статьи. Воспоминания») и составивший дополнительный том к восьмитомному собранию сочинений писателя. Здесь впервые были собраны вместе все восемь статей Гладкова о Горьком, написанные им в 1928—1936 гг.

Переписка их началась в 1901 году, когда Гладков послал Горькому в Юренинскую повесть «На ватаге, на Жилой». По

воспоминаниям Гладкова, Горький ответил ему: «Писать Вам нужно: у Вас есть умение наблюдать жизнь, есть любовь к людям...» Личное же знакомство произошло лишь в марте 1917 года. Гладков приехал из кубанской станицы Павловской в Петроград, где в квартире Горького на Кронвернском и состоялась их первая встреча. Она красочно описана Гладковым в статье «Максим Горький — мой учитель» (1928). Осенью 1930 года Гладков ездил и Горькому в Сорренто.

Горький был всегда внимателен к молодому писателю: читал его рассказы, делал пометки на полях, давал советы. Благодаря ему в 1917 году в журнале «Летопись» появился рассказ Гладкова

«Единокровный сын» (впоследствии переименован в «Пучину»). Это было первое произведение Гладкова, опубликованное в столичном журнале. Переписка двух писателей длилась более тридцати лет.

В публикуемом выступлении на вечере памяти Горького Гладков приводит выдержки из писем Горького, среди них попадаются и неопубликованные. В них слышится живой горьковский голос, они ярко характеризуют его как человека.

Публикуемая речь является как бы квинтэссенцией представления Гладкова о личности Горького как о писателе и человеке.

С. В. ГЛАДКОВА

питает себя шире, глубже — лучше нас. За это говорит эпоха, насыщенная трагическими вопросами и задачами, поставленными к разрешению с резкостью, с настойчивостью, никогда еще не бывалой. У нас любил цитировать Тютчев: «Блажен, кто появился в мир в его минуты роковые», — в качестве зрителя. Ныне эпоха внушает: будьте деятелем. И будет. Не отвернется. Это и воспитает как-то новых людей, не похожих на нас».

Алексей Максимович по скромности своей умалчивал, что он-то как раз и был образцом настоящего деятеля и давал этим пример и нашей молодежи. А деятелем он был исключительно огромным. Он гениально умел владеть временем и насыщать каждую минуту глубоким содержанием и напряжением. В письмах и в разговоре он настаивал на том, что чрезвычайно важно для человека выработать программу личного поведения. Горький — это исторический пример изумительного трудолюбия: каждым днем своей жизни он учил нас, как надо работать над собой, как надо, чтобы хорошо делать дело, беспощадно относиться к себе, как наблюдать, изучать и творить жизнь, как находить нового человека и создавать его бессмертным в художественных образах.

«Самокритика, — писал он однажды, — и есть самая строгая критика да и самая полезная. Смотрите на свою книгу, как на чужую, враждебно смотрите на нее, как на неудачную карикатуру того, чего вы хотели, что желали сделать. Это — несколько трудно, но это — необходимо...»

«Не переоценивайте себя, — предупреждает он в другом письме, — учитесь, относитесь к себе как можно строже, не жалейте себя, не бойтесь сказать себе: не умею...»

«Образ, создаваемый словом художника, — говорит он далее, — правдоподобен тогда, когда он является перед вами почти физически осязаемым и как бы в трех измере-

ниях, каковы, напр., «Дядя Ерощка» и «Поликушка» Л. Толстого, какова «М-м Бовари» Флобера. А для того, чтобы достичь этой осязательности, надо писать скупое, густое и смело, надо верить: то, что вы знаете, — никому, кроме вас, неизвестно. Не бойтесь быть наивным: это многие советовали и это очень хороший совет».

Особенно Алексея Максимовича восхищало то, что наша молодежь жадно учится, дерется за культуру, штурмом берет высоты знания. Он считал, что писатель не может быть подлинным и нужным художником, если он не поднимает себя до вершины культуры.

«Я знал не одного, — говорит он, — чья талантливость наполовину сокращалась «некультурностью», самокритикой и прочими зловерностями... Писатель должен быть «грамотным» и в прямом смысле этого понятия и — морально...»

Некультурность, невежество, беззаботность к самообразованию для Горького были одним из самых злейших врагов, и он умел клеймить их безжалостно. Надо жить так, чтобы твое поведение было героическим и боевым до конца, чтобы про тебя и сказки рассказали, и песни пропели.

И жизнь Горького — ярчайший пример этого для всех нас и будущих поколений. Он весь из героической эпопеи: дерзновенный, пламенный, с железной волей, целеустремленный, с нежнейшим сердцем и великим умом, пристальный и решительный. И всякую борьбу и всякое дело, которые он начинал, он всегда доводил до конца, в этом было его величие, и в этом был его гений, и в этом — его бессмертие.

Публикация С. В. ГЛАДКОВОЙ

МОИ ДРУЗЬЯ»

песни, — вспоминает слова Ф. Гладкова литературовед Б. Браинина. — Потому-то я и говорил вам в свое время, что в моих автобиографических повестях нет ничего автобиографичнее пейзажей».

«Первыми друзьями» были и его гениальные земляки М. Ю. Лермонтов и В. Г. Белинский, чье творческое наследие он ощущал как живую эстафету литературы. Он бывал в городе Белинском в составе делегации Союза писателей СССР вместе с А. А. Фадеевым, И. Г. Эренбург, А. А. Жаровым, И. Л. Андрониковым и другими писателями, участвовал в закладке памятника великому критику. После посещения лермонтовских мест Ф. Гладков оставил такую запись:

«Тарханы, Лермонтов жили в душе моей с детских лет, когда я был еще деревенским ребенком. Лермонтов первый, кто потряс меня на всю жизнь и останется навсегда любимым поэтом...»

Взаимное общение, так необходимое и самому Ф. Гладкову, и его землякам-пензенцам, продолжалось долгие годы. Будучи депутатом Верховного Совета РСФСР, писатель успешно ходатайствовал о строительстве школы в селе Синодском, при Чернавской школе с его же помощью построили интернат, и теперь ребята там не надо было измерять дорогу в школу километрами непроезжих дорог. О каждом начинании сообщали сельчане своему знатному земляку: в июне 1949 года члены большечернавской сельхозартели «Красный клич» рассказывали в письме Ф. Гладкову, что собираются строить электростанцию и мельницу. «От души поздравляю вас с этим решением, — ответил писатель, — и желаю, чтобы оно непременно осуществилось, независимо от всего я приеду к вам на праздник открытия электростанции».

Эта неразрывная нить единения тянулась до последних лет жизни писателя. Ощущается она и ныне. В 1980 году на родине писателя побывали его сын Борис Федорович и внучка Светлана Васильевна.

«Встретили меня очень хорошо, по-родственному, — рассказывала она корреспонденту «Пензенской правды» В. Киришину, учившемуся тогда у Ф. Гладкова в Литературном институте. — Показали место, где стоял дом, в котором родился писатель, вспомнили прототипов выведенных в романах образов, свозили и на речушку, к тем перелескам, которые любил вспоминать писатель. Под конец нашей встречи у меня было такое чувство, будто и я родилась, выросла в этих местах».

В заключение хочется вспомнить еще об одном автографе, сделанном Ф. Гладковым на титульном листе романа «Цемент»: «Эта книга написана 25 лет назад и, к удовольствию автора, дышит молодостью и духовной

Родственники Ф. В. Гладкова (сидят — дед Фома и бабушка Анна; стоят — дядя Гладков Семен Фомич с женой и детьми). Фотография сделана Ф. В. Гладковым в 1913 году на фоне дома, где он родился, в селе Чернавка.

силой до сих пор. Автор уверен, что она еще долго будет волновать читателя — потому что это — поэма о людях, которые

строили социализм и жили большой мечтой о будущем». Олег САВИН ПЕНЗА